

Брачная ночь: холод и насмешки

Холодный питательный раствор, растекаясь в желудке, принес лишь крохотную толику тепла, не способную разогнать ни пробирающий до костей холод брачных покоев, ни слабость, разлившуюся по всему телу.

Юнь Чэ сидел на огромной, роскошной, но ледяной кровати, скрестив ноги. Прикрыв глаза, он изо всех сил старался направить тонкую, словно нить, внутреннюю энергию по своим иссохшим и закупоренным меридианам. Прогресс шел мучительно медленно: этот организм был подобен истощенной, выжженной дотла земле, и чтобы вернуть его к жизни, требовалось куда больше одного дня.

В тот самый момент, когда он, сосредоточившись, пытался пробить крошечный узел, за дверью послышались тяжелые, давящие шаги.

Это была не плавная поступь робота и не осторожные, почти бесшумные шаги прислуги или адъютантов. Походка была уверенной, властной, каждый шаг словно выверен с хирургической точностью. Металлические набойки сапог жестко ударяли по полированному полу, выдавая в госте непререкаемую силу и... едва уловимое, раздраженное нетерпение.

Длинные густые ресницы Юнь Чэ дрогнули, и он медленно открыл глаза.

Пришел.

Ему даже не нужно было гадать. В этой строгой Резиденции Маршала никто, кроме того самого, еще не виденного им супруга — маршала из рода леопардов Мо Яня, презирающего омега, — не мог обладать такой властной походкой.

Дверь не была заперта — вероятно, в их глазах этот «F-ранговый отброс» не представлял никакой угрозы, от которой стоило бы защищаться. Дверь распахнулась сама.

Высокая, статная фигура почти заполнила собой дверной проем. От вошедшего веяло ледяным холодом, присущим военным, и едва уловимым, но отчетливым запахом крови и пороха.

Юнь Чэ поднял взгляд.

Даже сидя на кровати и вынужденный слегка запрокинуть голову, он мгновенно ощутил исходящее от визитера мощное давление. На нем был безупречно отглаженный черный военный мундир с тяжелыми погонами, а золотые аксельбанты подчеркивали его высокий чин. Коротко стриженные черные волосы, кожа цвета меди, закаленная в бесконечных сражениях, и черты лица, словно высеченные из камня — глубокие и суровые. Но больше всего поражали его глаза: ярко-золотые зрачки, подобные чистейшему янтарию, холодные и лишенные всякого тепла. Сейчас они смотрели сверху вниз, словно оценивая неодушевленный предмет.

Его взгляд молниеносно скользнул по Юнь Чэ, даже не задержавшись на аляповатом красном свадебном наряде, и полностью проигнорировал символическую красную фату, которую Юнь Чэ отбросил в сторону еще в самом начале.

В этом взгляде не было ни любопытства, ни восхищения, даже явного отвращения не удосужились показать — лишь глубокое, почти равнодушное игнорирование. Казалось, существование Юнь Чэ ничем не отличается от мебели или декора в этой комнате, а то и вовсе не имеет никакого значения.

Юнь Чэ спокойно встретил его взгляд. Его черные глаза оставались неподвижными, но в голове пронеслась молниеносная оценка: Какая тяжелая аура убийцы, к тому же... ментальная энергия, кажется, на грани крайней нестабильности. Словно натянутая тетива, готовая сорваться в любой момент. Неудивительно, что у него такой скверный характер.

Мо Янь обвел комнату взглядом и в конце концов остановился на пустой ампуле из-под питательного раствора. Его золотые зрачки едва заметно сузились — похоже, только сейчас он соотнес этот предмет с тем, что перед ним находится его законный супруг.

Однако он так ничего и не сказал.

Ни вопросов, ни предупреждений, даже дежурной фразы не удостоил.

Он задержался на пороге от силы секунду-другую, а затем, не колеблясь, развернулся. Военные сапоги застучали по полу еще жестче, чем при входе, и он ушел.

От начала до конца он не проронил ни слова.

Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком, окончательно отсекая ту удушающую атмосферу, которую он принес с собой.

Юнь Чэ тихо сидел на краю кровати, слушая, как шаги удаляются, пока не стихли в конце коридора.

...Дурная слава не лжет, — подумал он, не испытывая, впрочем, ни разочарования, ни грусти. — Эта неприязнь к омегам уже переросла простое отторжение, он относится к ним как к опасной заразе.

Напротив, он даже почувствовал облегчение. Так будет лучше: никто не лезет в дела друг друга, это даст ему время и пространство, чтобы восстановиться и все обдумать.

Однако покой ему только снился.

Вскоре после ухода Мо Яня дверь снова отворилась. На этот раз вошли две служанки, чьи лица выражали нескрываемую спесь и пренебрежение. В руках они держали уборочный инвентарь — очевидно, пришли наводить порядок.

Увидев, что Юнь Чэ все еще сидит в свадебном одеянии, одна из служанок с раскосыми глазами насмешливо фыркнула:

— О, все еще сидишь? Что, правда надеялся, что маршал придет, снимет фату и выпьет с тобой чашу вина?

Другая, более полная, грубо сгребая в охапку оплывшие восковые свечи, язвительно подхватила:

— Ишь, размечталась! Знаешь хоть, кто ты такая? F-ранговый мусор, замена для другой семьи. То, что тебе вообще позволили переступить порог Резиденции Маршала, — уже величайшая милость. О чем еще ты смеешь мечтать?

Служанка с раскосыми глазами подошла к кровати, бесцеремонно скомкала брошенную фату и швырнула ее в мусоросборник. Ее взгляд, скользнувший по бледному, но до невозможности изысканному лицу Юнь Чэ, был полон зависти и презрения:

— Маршал даже смотреть на тебя не захотел, только опозорилась. Думала, взлетишь на ветку и станешь фениксом? Тьфу!

Юнь Чэ все это время держал глаза опущенными, словно не слыша ядовитых насмешек, лишь пальцы рук, лежащих на коленях, слегка сжались. Он не был лишен гнева, просто прекрасно понимал: сейчас пререкаться бессмысленно — это лишь выдаст его и навлечет лишние неприятности. Смирение — первый урок выживания для слабого, и он усвоил его в прошлой жизни на отлично.

Шумные, — подумал он про себя. — Всего лишь две ничтожные муравьи, привыкшие пользоваться чужой властью.

В этот момент служанка, видя, что Юнь Чэ никак не реагирует, словно ударила кулаком в вату, почувствовала досаду. Она сделала шаг вперед, чуть ли не тыча пальцем в лицо Юнь Чэ, и передала приказ Мо Яня — или, скорее, новую порцию унижения:

— Маршал сказал, что главный дом — не место для таких, как ты. Для тебя подготовили подсобку во флигеле. Отныне будешь жить там, и без дела не высывайся, чтобы глаза маршалу не мозолить!

Сказав это, она с торжеством ждала, что Юнь Чэ сломается, заплачет или хотя бы выкажет отчаяние.

Однако Юнь Чэ лишь медленно поднял голову. Его темные глаза, холодные, как озерная вода, спокойно встретили ее взгляд. Несмотря на явную слабость, этот взгляд заставил служанку

вздрагнуть, и следующая порция оскорблений застряла у нее в горле.

Губы Юнь Чэ едва шевельнулись. Голос звучал тихо, но удивительно четко, с какой-то странной пронзительностью:

— Флигель... что ж, хорошо. Там тихо.

Его реакция оказалась полной неожиданностью. Ни слез, ни мольбы, ни капли гнева — только равнодушное согласие, словно изгнание во флигель было тем, чего он сам желал.

В ту самую секунду, когда он закончил фразу, нечто странное внезапно охватило его!

Будто невидимая игла вонзилась в мозг, и следом, без всякого предупреждения, в сознании взорвался поток хаотичных, едких и злобных мыслей:

...Тихо? Ха! Смерть на пороге, а она еще строит из себя невозмутимую! Беспольный мусор без капли ментальной энергии, брошенная в тот сырой и холодный хлев. Маршал явно хочет, чтобы она сгнила там сама, думаю, и трех месяцев не протянет! А потом придумают причину — болезнь, и семья Юнь даже не пикнет... Жалкое и смешное зрелище! Скорее бы сдохла, чтобы не переводить воздух и питательные растворы в доме!

Этот голос звучал остро и искаженно, переполненный негативом и проклятиями.

Юнь Чэ вздрогнул, его зрачки резко сузились!

Он это не слышал! Это не прошло через уши! Это были прямые мысли той самой служанки, спроецированные в его сознание!

Чтение мыслей?!

В прошлой жизни он встречал упоминания о подобном в древних манускриптах, но не думал, что после перерождения странным образом обретет эту способность. Это результат мутации при слиянии душ или уникальное явление этой эпохи?

Служанка, не подозревая, что ее самые темные мысли были раскрыты, увидела, что Юнь Чэ побледнел еще сильнее, а взгляд стал остекленевшим. Она решила, что та наконец осознала свое отчаяние, удовлетворенно хмыкнула и, потянув за собой вторую, все еще ошарашенную служанку, гордо покинула комнату.

Дверь снова закрылась.

В огромной комнате Юнь Чэ остался один. Мертвая тишина окутала пространство.

Он медленно, очень медленно разжал кулаки. На ладонях остались глубокие следы от ногтей, которые начинали ныть от боли.

Но он словно не чувствовал ее.

В голове эхом отдавались злобные мысли: не протянет и трех месяцев, сгниет сама, скорее бы сдохла.

Значит, вот какой план у этого маршала. Холодным безразличием свести с ума, плохими условиями довести до смерти и легко стереть это пятно, которое не должно было существовать.

Ледяной холод пробежал по позвоночнику. Это был не страх, а ярость — ярость существа, с которым обращаются как с насекомым, которое можно раздавить в любой момент.

Он, Юнь Чэ, в прошлой жизни прославленный врач-целитель, мастер древних боевых искусств, спасший бесчисленное количество людей, когда-либо терпел подобное унижение? Когда-либо попадал в такую ловушку?

Даже если сейчас он загнан в угол, даже если его сила на нуле, это не значит, что какая-то служанка может насмехаться над ним, и уж тем более не маршалу решать, жить ему или умереть!

Флигель? Подсобка?

Сырость и холод?

Сгнить сама?

Хорошо. Очень хорошо.

Юнь Чэ глубоко вдохнул, и тяжесть в груди, вызванная слабостью и гневом, начала отступать под натиском ледяной решимости.

Он снова поднял глаза. Последние следы сомнения исчезли, сменившись твердостью камня и холодным блеском стали.

Раз этот мир встречает его злом и презрением, то он во что бы то ни стало выживет!

И не просто выживет, а добьется большего!

Он заставит всех, кто унижал его и пытался уничтожить, своими глазами увидеть, как он шаг за шагом поднимается из этой грязи, как растопчет клеймо бесполезного мусора, как

перевернет ход событий и вернет все, что принадлежит ему по праву!

Путь к возмездию начнется именно с той подсобки во флигеле.

Его кулаки снова сжались. На этот раз — с силой.

<http://bllate.org/book/18828/1832658>